

ЮЛИЯ БУЗАКИНА

Их имперский
НОЯБРЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юлия Бузакина
Их жаркий ноябрь

«Автор»

2020

Бузакина Ю.

Их жаркий ноябрь / Ю. Бузакина — «Автор», 2020

«Ты чувствуешь желание, Анна?» Дождь за ночным окном усиливается, бьет по стеклам. Дыхание предательски сбивается, выдавая меня с головой. «Я хочу видеть твои зеленые глаза каждое утро. Я удвою оплату, если скажешь «да». — Да, мистер властный босс, удвойте оплату моего грехопадения, — шепчу угасшему телефону. — Тогда я погашу все счета и куплю маленькой дочке целую коробку киндер-сюрпризов. Только... знаете, что? Я передумала. Я с вами никуда не поеду! Содержит нецензурную брань.

© Бузакина Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Бузакина

Их жаркий ноябрь

Глава 1

– Да что же это такое?!

Я со злостью сжала руль своей белой иномарки и принялась высматривать место на стоянке перед нашей фирмой. После третьего круга мне все же удалось втиснуться на свободное место. Заглушив двигатель, я выдохнула и взглянула на экран своего сотового. До начала рабочего дня оставалось двадцать минут. Поправив серый плащ, я достала из сумки блеск для губ. Из строгого пучка на лоб выпала непослушная рыжевато-карамельная прядь. Быстро убрав ее за ухо, я подкрасила губы блеском, щелкнула замком на дверце автомобиля и тут же угодила своими любимыми ярко-желтыми «лодочками» прямо в середину осенней лужи.

– Твою мать... – растерянно выругалась я, осторожно переставила правую ногу на бордюр и кое-как выбралась из автомобиля.

Повесила объемную кожаную сумку на плечо и уверенно двинулась в сторону входа по усыпанной золотыми и красными листьями дорожке.

– Аня, стой! – послышался сзади голос бухгалтера Леночки.

Леночка бежала вприпрыжку через большие и маленькие лужи и весело махала мне рукой. Я улыбнулась и притормозила.

Осенний ветер взлохматил ее короткие темные волосы и распахнул спортивную ветровку.

– Покурим?

– Покурим.

Мы заговорщически переглянулись и бодро зашагали по усыпанным осенними листьями дорожкам в сторону нашей фирмы.

«Бывают же такие люди! – посматривая на Леночку, размышляла я. – Солнечные, жизнерадостные!»

Леночка занималась спортом, являлась сторонницей каких-то странных ПП-рецептов, при этом умудрялась курить, и улыбка никогда не сходила с ее лица.

Может, она дарила окружающим радость от тех самых ПП-рецептиков и здорового питания вперемешку с табачным дымом, а может, от того, что никогда не была замужем и не имела обременений в виде детей и счетов? Как знать. Увы, я была ее полной противоположностью.

В свои двадцать девять я тянула лямку из квартплаты и ипотеки, взятой когда-то на двоих с мужем «однушки» в новостройке, а еще воспитывала раньше общую, но в последний год исключительно мою дочку Еву.

Мой муж Валера самоустранился из нашей жизни год назад. Он всегда был слишком жестким, непробиваемо упрямым и ни с кем не считался. Профессиональный фотограф, Валера растворялся в работе и забывал о том, что есть я и Ева. Привлекательные модели осаждали Валеру своими сообщениями и были готовы на все ради одного-единственного взгляда его голубых глаз. Они не знали, каким жестоким он может быть на самом деле.

Может, именно поэтому я спускала ему с рук его увлеченность работой и другими женщинами: ведь, чем реже видишься, тем меньше взаимных обид.

Год назад у Валеры появилась цель: он решил, что достаточно зарабатывает и просто обязан увековечить свое имя, создав коллекцию уникальных фотографий.

Валера отправился в кругосветное путешествие. Приторговывал фотографиями через интернет, изредка присылал нам с Евой красивые пейзажи и жил в свое удовольствие. Деньги переводил не каждый месяц, об общей ипотеке забыл, поэтому я уже давно не таила надежд на

то, что он образумится. Просто сбросила его со счетов. Подать на развод мне мешало только одно: полное отсутствие свободного времени.

Мне повезло: в нашем микрорайоне открылся новый садик, и теперь моя пятилетняя неуклюжая Ева каждое утро с диким воем отправлялась в группу таких же несчастных детей, у которых не было сердобольных бабушек и дедушек.

Их не то, чтобы не было. Почти бывшая свекровь всегда была рада взять Еву на выходные, но сидеть с внучкой круглосуточно у нее не было возможности. Она преподавала в городской художественной школе, чем очень гордилась, и заставляла меня каждую субботу таскать Еву на занятия по рисованию.

Мои родные мать и отец жили в Краснодаре. Обычная семья. Папа с утра до ночи трудился в частном банке на должности управляющего, а мама работала в небольшой клинике гинекологом и, кажется, сроднилась с белым халатом. С Евой они общались исключительно по скайпу.

Надо ли говорить, что я пошла по стопам родителей? Заядлая карьеристка, два месяца назад я получила повышение – должность начальника отдела продаж в нашей фирме.

Я брала работу на дом, сидела за компьютером до полуночи, просыпалась в шесть утра, тащила дочку в садик и приходила на работу раньше всех – только бы удержаться на желанной должности. Единственной радостью в моей жизни было выпить чашечку кофе в обеденный перерыв и выкурить с Леночкой по сигарете в специально отведенном для этого месте.

Там нас и застал шеф, Анатолий Витальевич Ковалев, грузный, седовласый и твердый, как скала, управленец, прошедший закалку еще в далекие девяностые.

– Доброе утро, Анатолий Витальевич! – Леночка подарила шефу солнечную улыбку.

Но он даже не взглянул в ее сторону. Его глаза надолго задержались на мне, и это было подозрительно. Он взглядом оглаживал мою шею, плечи и скользил ниже, к ногам в желтых «лодочках».

– Так, девочки, – очнувшись от наваждения, подмигнул нам Анатолий Витальевич, шевельнув густой бровью. – Все в курсе, какой завтра день?

Мы с Леночкой переглянулись и закивали. Как же не знать? Завтра, первого октября, у Анатолия Витальевича юбилей – ему исполняется пятьдесят лет. Мы приготовили для него концертную программу в актовом зале. Даже песню сочинили, благо, менеджер Виталик умел играть на клавишине.

– После шумных поздравлений вас, Анечка, я приглашаю в ресторан. Отказы не принимаю.

Его строгий взгляд остановился на уровне моей груди и вспыхнул нехорошим вождением.

– Анатолий Витальевич, вы ведь знаете, я не могу по вечерам... дочка у меня. Не на кого ее оставить! – взмолилась я. Взгляд седовласого начальника в сторону моей груди мне очень не нравился.

– Что за глупости?! Найдите для дочки няню. Вы молодая и привлекательная женщина, негоже с утра до ночи на работе сидеть. Вы же белого света не видите! Не придете – лишу всех премий! – Он погрозил мне пальцем и тяжело зашагал в сторону своей приемной.

– Черт... – отбросив сигарету в жестяную пепельницу, заломила руки я. – Ну, что мне делать, Лена? Он не понимает, наверное, что такое маленькая дочка...

– Знаешь, Ань, а он на тебя запал, – задумчиво взглянула на меня подруга. – Разве не видишь, как он на тебя смотрит?

Я растерянно пожала плечами, но слова подруги посеяли в душе тревогу. Я ведь и сама в последние недели замечала: что-то не так с его стороны.

– Нравишься ты ему, Аня. Вот посмотришь, завтра в ресторане подкатывать к тебе будет.

– Между нами пропасть в двадцать лет! Какое там «подкатывать»! Или в нашей фирме считается, что если я брошенка, то соглашусь на любые условия, лишь бы не одной дочку тянуть?

Леночка пожала плечами.

Я стряхнула пепел со своей сигареты и с неудовольствием подметила, что пальцы противно подрагивают.

– У меня и платья для ресторана нет, – принялась взახлеб оправдываться я больше даже перед самой собой, чем перед подругой. – Никто не согласится взять на себя Еву на вечер. Да и кто сказал, что я обязана идти на банкет? Стихов в актовом зале вполне достаточно.

– Эх... – сочувственно выдохнула Леночка и затушила сигарету.

В обед Анатолий Витальевич вызвал меня к себе в кабинет.

– Что ты натворила? Шеф злой какой-то, – с удивлением посматривала на меня его секретарша Олеся.

– Не знаю, – искренне ответила я.

Я вошла в кабинет и нерешительно остановилась возле широкого рабочего стола. Анатолий Витальевич восседал в своем кожаном кресле среди папок и отчетов и поглаживал аккуратно подстриженную бородку.

– Анечка... Ну, что ты застыла? Присаживайся. Кофе будешь? – ласково заговорил со мной шеф.

– Нет, спасибо.

– Не будешь, значит... Что ж, тогда перейдем к делу.

Он подался вперед, и его крепкие руки оказались слишком близко.

– Аня, я давно на тебя посматриваю. Ты женщина работающая, приятная, скромная. Скажи, у тебя муж есть?

– Н-нет... – От неожиданности я заикнулась.

– Вот видишь! Одна, с ребенком. Сложно ведь.

– Я справляюсь, – все еще не понимая, к чему он клонит, выдавила из себя.

– А вдвоем ребенка воспитывать проще, чем одной. У меня детей нет и никогда уже не будет, зато есть просторная квартира и чудесный загородный дом. Одиночество меня тяготит, поэтому предлагаю перейти сразу к делу.

– К какому делу?

Его крепкая ладонь накрыла мою руку, и желудок скрутился в тугую пружину. Ко мне еще никогда не приставали на рабочем месте. Да что там приставать – одного взгляда на мое хмурое уставшее лицо было достаточно, чтобы пропало всякое желание подкатывать с глупостями. «У начальника отдела продаж Анны Макеевой личной жизни быть не может!» – гласило выражение моего лица.

– Ты мне нравишься, Аня. Понимаю, это неожиданно, поэтому дам тебе время подумать до завтрашнего банкета. Иди к себе, взвесь все «за» и «против», а завтра жду от тебя положительный ответ. Лично я для себя уже все решил.

– А с чего вы решили, что мой ответ будет положительным? – Я медленно поднялась со стула для посетителей.

– Потому что в случае отрицательного ответа мне придется тебя уволить. Сама знаешь, Виталик намного лучше тебя разбирается в деле. Ему и светит место начальника отдела.

Я попятилась к выходу.

Вернулась в отдел, села на свое рабочее место. Вокруг носились сотрудники с папками документов, что-то говорили, складывали мне на стол какие-то договоры, требовали подписать...

Но я их не слушала. В голове шумело, щеки и уши пылали от стыда. Внутри все взрывалось от смятения и страха. Меня оставят без работы? А как же счета и кредиты? На что нам с Евой жить?

«Но ведь спать с шефом, не испытывая к нему ничего, кроме отвращения, еще страшнее!» – крутились мысли у меня в голове.

Не помню, как я собиралась домой. На автомате вышла из отдела самой последней. Спустилась по лестнице на первый этаж и уже у стеклянной двери на выходе столкнулась с шефом.

– Анечка, вот ты где! – обрадовался он и тут же бесцеремонно приобнял меня за талию. Рука бессовестно скользнула ниже и огладила мои бедра. – Ну, что, поужинаем где-нибудь? Я знаю отличное местечко...

– Садик закрывается через сорок минут, нянечки ждать не станут, – перебила его я и грубо оттолкнула так собственнически поселившуюся на моей попе мужскую руку.

– Вот что, Анна! – Карие глаза Анатолия Витальевича вспыхнули яростью. – Или ты соглашаешься, или завтра утром кладешь мне на стол заявление об уходе! Терпеть у себя в фирме своенравных девиц я не намерен!

– А может, мне его прямо сейчас написать?

– Тогда вернись в отдел кадров, и чтобы с завтрашнего дня духу твоего в моей фирме не было!

Я вздрогнула, будто мне отвесили пощечину. Растерянно взглянула на шефа, еще вчера казавшегося мне приятным человеком.

– Или садись в мою машину, или пиши заявление об уходе! – В его голосе прозвучали стальные нотки.

Все еще не до конца осознавая, что подписываю нам с Евой приговор, я гордо расправила плечи и застучала каблучками в сторону отдела кадров.

– Анатолий Витальевич, конечно, меняет женщин, как перчатки, но ни одна еще не писала заявление об уходе по такой глупой причине, – сочувственно посмотрела на меня кадровичка Элеонора. – Он быстро остывает к своим любовницам. Потерпела бы его месяц-другой – глядишь, и на повышение пошла бы. А так – с дитем, без работы, без мужа...

– Что значит «потерпела бы»? – Моё лицо покрылось красными пятнами.

– Молодая ты еще и глупая. Думаешь, он тебя так просто на новую должность назначил два месяца назад? Нет, конечно! Он тебя под себя надеялся получить. И куда ты теперь пойдешь? За садик и квартиру платить чем будешь?

Я не ответила. Размашистым почерком написала заявление, молча поставила все нужные подписи и вышла на улицу.

Почти стемнело. Стало очень холодно – пронзительно, по-осеннему. Я добежала до своей машины, одиноко белевшей на парковке, и быстро забралась внутрь.

Меня трясло так сильно, что стучали зубы. Закуталась поплотнее в плащ и повернула ключ в зажигании, чтобы включить сплит-систему на обогрев.

На сотовый пришло сообщение от нянечки: *«Садик закрывается через пятнадцать минут. Если не явитесь до этого времени, ваша Ева будет в будке у охранника».*

На миг зажмурилась. Захотелось плакать, но я себе запретила. Врубила песни «Epilogue», и машина сорвалась с места. Перекресток, светофор... пробка, еще одна... Я не успею добраться до садика за пятнадцать минут. У моей неуклюжей Евы случится истерика: она боится охранников.

В порыве отчаяния начала набирать номер свекрови – та жила в десяти минутах ходьбы от садика. Но свекровь, как назло, не брала трубку.

И вот тогда я расплакалась по-настоящему.

Мы с Евой остались без дохода, один на один со всеми счетами и долгом за ипотеку.

Будущее исчезло. На него, казалось, накинули покрывало из мрачной, непроглядной тьмы, от которой не было никакого спасения.

Глава 2

Солнечное утро. Пятница. Ева, счастливая до одури от того, что ей разрешили остаться дома, носится по квартире в пижаме с розовыми звездочками и заливисто смеется. Как мало надо детям для счастья!

Я давлюсь остывшим чаем, кутаюсь в домашний халат и пытаюсь связаться с ее отцом по скайпу. Увы, похоже, в Скандинавии не везде ловится интернет.

– Ева, надень носки, пол холодный! – бурчу я. – Отопление еще не включили, а ночью было холодно.

«Валера, мы с Евой попали в беду. Меня уволили, и нам скоро будет нечем платить за квартиру. Пожалуйста, если у тебя есть хоть немного денег, помоги мне с ипотекой в этом месяце», – написала ему на почту.

Увы, письма остались без ответа. Валере важны только заснеженные вершины на фотографиях. На письма в интернете у него нет времени.

...Следующие две недели я пыталась найти новую работу. Вакансии, вакансии, собеседования... все тщетно. Как будто меня прокляли. Деньги почти закончились, я задолжала за садик, а Валера так и не ответил ни на одно мое письмо. А ведь я написала ему их тридцать четыре.

Еще две-три недели такой жизни, и коллекторы выселят нас с дочкой из квартиры.

Неделю спустя деньги на ипотеку перевели мои родители.

– Что же такое, Аня? Почему тебя нигде не берут на работу? – сокрушалась моя мама по скайпу.

– Я не знаю, мам... как будто прокляли меня. Резюме безупречное, а работодатели дружно пишут мне отказы, один за другим, – чуть не плакала я.

По-настоящему я плакала по ночам, уткнувшись носом в ледяное стекло кухонного окна. Ева крепко спала в своей кроватке, а я злилась на безответственного Валеру, так и не ответившего ни на одно мое письмо, на собственную беспомощность...

Письмо на почтовый ящик от менеджера рекрутингового агентства Дарьи пришло ранним утром двадцать седьмого октября. Я находилась на грани нервного срыва, потому что деньги, присланные мамой, таяли слишком быстро, а брать новый заем было попросту негде.

«Анна, не знаю, подойдет ли вам данная вакансия. Условия там очень нестандартные, но попробуйте им позвонить. Компания «Покровский и К» ищет помощника генерального директора. Работа по контракту, испытательный срок месяц. Требуется уверенная в себе, привлекательная женщина без комплексов. Зарплата на испытательном сроке – почти две-сти пятьдесят тысяч рублей».

Сколько?! Двести пятьдесят?! Сердце отчаянно забилося. Да за такие деньги я готова даже танцевать стриптиз своему новому боссу! Я смогу оплатить всю задолженность по ипотеке, и еще на жизнь нам с Евой хватит...

Следом за радостью в душу одно за другим начали закрадываться сомнения. Мне ведь уже давно не восемнадцать. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. На моей должности восемьдесят – это предел, даже со всеми премиями.

«А почему такая большая зарплата?» – ответила вопросом на письмо менеджера я.

«Генеральный директор желает видеть рядом с собой привлекательную помощницу», – пришел странный ответ.

«И все?»

«Позвоните, они вам расскажут»

«Спасибо».

Втянув грудью воздух, я неуверенно набрала указанный в письме номер.

Девушка попросила меня выслать резюме и несколько своих фотографий на корпоративную почту.

– Мы с вами свяжемся, – последовал стандартный ответ.

Что ж, свяжутся – значит, свяжутся. Мне ничего не остается, только ждать.

Ответ пришел через час, чему я несказанно удивилась.

«Ваше собеседование состоится завтра в десять часов утра по указанному адресу. У нас дресс-код, он обязателен для всех сотрудников. Будет лучше, если вы наденете строгое офисное платье или блузку и юбку». Далее шло название элитного бизнес-центра на улице Гвардейской.

Я знала, где находится этот бизнес-центр. Его построили в прошлом году на госсубсидии, выделенные правительством, в надежде на то, что арендная плата позволит залатать дыры в городском бюджете. Арендная плата оказалась слишком высока, и наша фирма во главе с Анатолием Витальевичем скромненько поселилась в спальном микрорайоне.

Что ж, завтра Ева будет в садике, а я спокойно отправлюсь на собеседование.

– Здравствуйте, я на собеседование, – приветливо улыбнулась брюнетке на ресепшене.

– Ваше имя? – улыбнулась в ответ она.

– Анна... Анна Макеева.

– Хорошо, я сообщу, что вы пришли.

Кивнув, я присела на небольшой кожаный диванчик для посетителей. Расстегнула пуговицы на своем черном пальто, пытаясь унять волнение.

Все ли я предусмотрела? Не промахнулась ли с внешним видом?

Блузка нежного мятного оттенка подобрана специально под цвет моих зеленых глаз. Черная юбка-«карандаш», плавно очерчивающая линию бедер. Высокие сапоги, облегающие икры и придающие уверенности в себе: дорогая обувь на высоком каблуке – моя слабость, как и духи, сладкие, обволакивающие, от ведущего парижского бренда (до потери работы я не сэкономила на любимых ароматах). Волосы собраны в элегантный пучок, на лице неброский макияж. Все, как всегда. Только мысль, предательская, гадкая, что мне снова по какой-то причине откажут, продолжала грызть меня изнутри. От неё желудок скручивался в тугий узел, и я никак не могла взять себя в руки. Я понимала, что мне очень нужна работа – просто позарез нужна!

– Господин Покровский примет вас, —Из-за добротной двери со сверкающей золотистой ручкой появилась девушка. – Давайте ваше пальто.

Я улыбнулась, неловко поднялась с дивана и сняла верхнюю одежду. Девушка мгновенно спрятала пальто во встроенный шкаф.

– Так уже лучше. Теперь можем идти, – улыбнулась она.

Я послушно пошла за ней, стуча каблучками и чувствуя неловкость от того, что стук эхом прокатился по огромному холлу.

Да, несомненно, городские строители очень постарались, создавая бизнес-центр. Гигантские по площади помещения с роскошной отделкой, уютные зеленые уголки, широкие окна в пол... Потрясающее место! Вдохновляет на победу.

Мы с девушкой упёрлись в еще одну дверь с золотой табличкой «Покровский и К».

– Константин Владимирович, к вам соискательница, – распахнув дверь, сообщила она.

Константин Покровский. Боже! Я почувствовала, как от страха подгибаются колени. В нашем городе нет человека страшнее!

«Почему я не навела справки о компании и ее руководителе, прежде чем идти сюда?!» – сокрушалась я, но было уже поздно, и я понимала, что надо держать лицо.

Вошла в кабинет.

Слишком много места для одного человека. Но отделка в приятном коричневом цвете ласкает глаз. В левом углу потрескивает встроенный в стену искусственный камин, рядом небольшой темно-красный диван, заставленный книгами стеллаж из дерева. Так уютно, как будто ты внезапно оказался дома.

Но поворачиваешь голову направо – и иллюзия исчезает. Там рабочая зона – широкий стол, кресло руководителя из темно-красной кожи. Кресло такое большое, что кажется, в нем можно утонуть. Дальше организовано место для переговоров – еще один широкий стол, несколько мягких стульев, проектор и прочая техника. В моей бывшей фирме было нечто подобное, но та аппаратура, которую я видела сейчас, намного дороже.

– Здравствуйте, Анна, – послышался приятный мужской голос, и вздрогнула.

Мой наниматель стоял у широкого панорамного окна, засунув руки в карманы брюк дорожного темно-серого костюма. Мужественный профиль, величественная осанка – от этого человека веяло властью. Галстука на нём не было – только белоснежная рубашка. Две верхних пуговицы были расстегнуты. Я испуганно сглотнула и подумала, что этот влиятельный человек, несомненно, имеет право не соблюдать дресс-код.

Перед глазами промелькнули обрывки сюжетов от местного канала новостей. *«Директор центрального рынка найден мертвым в своей машине. Сотрудники полиции умалчивают, что процветающий бизнесмен Константин Покровский замешан в убийстве, ведь именно его управляющему накануне было отказано в аренде рыночных помещений по сниженной стоимости».*

«Сегодня открылся новый филиал компании по продаже элитной недвижимости, подаренной Константину Покровскому одним из бизнесменов города. Сам бизнесмен забрал свою семью и поспешил бежать за границу. Константин Покровский пока никак не комментирует этот факт, но на открытии филиала присутствовала вся городская администрация, что является ярким показателем того, на чьей стороне сегодня власть».

«Вчера в одном из лучших ресторанов города произошел конфликт. Охрана, выполнявшая приказ хозяев ресторана не принимать у себя Константина Покровского и его влиятельных друзей, была расстреляна на месте. Владельцы ресторана, двое мужчин из Адыгеи, поспешили покинули пределы области».

Его подозревали во всех грехах сразу, но ему всегда удавалось выходить сухим из воды. Все службы города и области работали не на благо жителей. Они работали на благо Константина Покровского.

«Клуша – вот кто я! Теперь бы унести отсюда ноги подобру-поздорову!» подумала я.

Упёрлась взглядом в шикарные туфли из черной кожи, начищенные до блеска, и от этого стало едва осязаемо приятно: дорогая обувь – моя слабость.

Подняла глаза выше.

Мой наниматель сделал несколько широких, уверенных шагов и оказался рядом со мной. Взгляд серых глаз внимательно скользил по мне, будто сканируя на изъяны, и я почему-то внезапно ощутила себя хрупкой и беззащитной.

Он был высок, крепко сложен, с зачесанными назад русыми волосами. Его серые глаза с любопытством изучали мою персону, а на губах проскользнула едва заметная улыбка.

– Доброе утро. – Я попыталась произнести эти слова уверенно, но получилось хрипло, и я сбилась.

В господине Покровском была какая-то особая, хищная красота. В его образе чувствовалась сила. Мужественные черты лица, жесткая линия губ, уверенное поведение, стильный костюм и дорогой парфюм с нотками табака говорили о том, что этот человек занимается серьезным бизнесом. Здесь не почивают на лаврах и не прощают просчетов.

– Присаживайтесь, Анна. – Он указал мне на темно-красный диванчик.

На мгновение наши взгляды встретились. В его глазах я заметила отблески пламени камина, и что-то перевернулось у меня внутри. Его рука, будто невзначай, коснулась моей спины, и тело пронзил разряд тока. Что это?

Я сглотнула ком в горле, осторожно села на край диванчика, наблюдая из-под опущенных ресниц за хозяином кабинета.

– Жанна, принесите нам кофе, – мягко приказал он в переговорное устройство, после чего его внимание вернулось ко мне.

Я боялась поднять глаза.

– Что ж, давайте начнем наше собеседование. – Он одарил меня хищной улыбкой. – Я читал ваше резюме, Анна. Вам уже больше месяца отказывают работодатели.

– Да, так и есть... – Я почувствовала, как мои руки предательски дрожат.

«Пожалуйста, пусть он скажет, что моя персона его совершенно не устраивает! Пожалуйста, пожалуйста... я быстро исчезну, и он забудет мое лицо через несколько минут».

– Сейчас мы с вами будем говорить предельно откровенно, и я попрошу вас не лукавить, а отвечать на мои вопросы честно. – Взгляд его серых глаз стал пристальным, пронзая меня насквозь и заставляя забыть о моей мысленной молитве.

– Как скажете, – едва слышно отозвалась я.

– Почему вас уволили?

– Я ушла по собственному желанию.

– А точнее?

Я молчала, уткнувшись взглядом в свои руки. Мне было так стыдно, как будто я совершила что-то нехорошее.

Он откинулся назад, и в его глазах я заметила торжество. На губах играла победоносная улыбка.

– Вы знаете, почему вас не берут на работу, Анна?

– Нет. Ума не приложу. – Кажется, эти слова я не проговорила, а прошептала. Но почему-то господин Покровский прекрасно расслышал мой шепот.

– На вашем резюме черная метка. Это значит, что в нашем городе никто не возьмет вас на работу. И я хочу знать: что такого вы совершили на прежней должности? Вы украли деньги компании? Допустили какой-то серьезный финансовый просчет?

Его глаза пригвождали меня к спинке дивана, и мне казалось, что я вот-вот задохнусь от напряжения.

– Ничего! – в отчаянии вскрикнула я. – Мой шеф хотел, чтобы я легла в его постель, только и всего! Он поставил меня перед выбором: увольнение или его персона!

– Вы выбрали увольнение? – На его губах заиграла усмешка, а в глазах плескался хищный огонь.

– Да!

– Что ж, вот вам и ответ на ваш вопрос. Бывший работодатель постарался сообщить во все агентства о вашей нехорошей репутации.

– И что же мне теперь делать?

– Переезжать в другой город.

– Это невозможно.

– Ладно, предположим, вы останетесь. Устроитесь в какое-нибудь неприметное кафе официанткой, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, и будете тянуть на себе свой быт и счета.

– Официанткой?! – оскорблено вспыхнула я. – У меня высшее экономическое образование!

– Больше вас никто не решится взять на работу. Предыдущий работодатель об этом позаботился.

Он откинулся назад, сцепил пальцы рук, и по жесткой линии губ пробежала легкая полуулыбка.

– Меня не пугают метки на резюме, Анна. В этом городе я устанавливаю правила игры. А еще я основываюсь на интуиции. И, кажется, вы мне идеально подходите...

Несколько мгновений он смотрел мне в глаза, а потом скомандовал:

– Распустите волосы.

– Что? – вздрогнула я.

– Распустите волосы. Я хочу на них посмотреть.

Окончательно растерявшись, я дрожащими руками распустила тщательно собранный с утра пучок, и длинные пряди карамельно-рыжего оттенка рассыпались густой волной по плечам.

Покровский поднялся и подошел ко мне сзади. Осторожно провел рукой по моим волосам. Положил ладони мне на плечи, и я ощутила пылающую тяжесть в тех местах, к которым он прикоснулся.

Пламя в камине, осенний пейзаж за окном, его умелые руки... я никак не могла избавиться от наваждения. В его прикосновении к моим волосам было что-то интимное, магическое, и это что-то заставляло меня сидеть с застывшей прямой спиной и почти не дышать.

– Но у меня есть особое требование к помощнице. Именно поэтому я плачу так много денег, – раздался за моей спиной мягкий голос Покровского.

Я растерянно подняла на него глаза. Хотела задать вопрос, но в горле пересохло.

– Я предпочитаю, чтобы моя помощница одновременно была моей любовницей, – обжег шею его шепот.

Я вздрогнула, резко сбросила его руки и отодвинулась в угол дивана. В глазах вспыхнуло отчаяние.

– Ничего особенного, – твердо произнес он, нависая надо мной всей своей величественной фигурой. – Поймите, я очень занятой человек. Мне некогда искать подружку на выходные, а без секса жизнь кажется пресной и лишенной всех радостей. Контракт предполагает, что вы на несколько месяцев станете моей женщиной. Никакой личной жизни – только я. Если ничего не получится, через месяц мы с вами расстанемся. Вы получите свои деньги, а я займусь поиском новой помощницы. Если получится – контракт ваш.

Мне казалось, меня заморозили или ударили по голове чем-то тяжелым. Язык не слушался, он просто прилип к небу и не двигался. Щеки пылали ярче пламени в камине.

Жанна принесла кофе, угощения, расставила это все перед нами на небольшом передвижном столике, а я так и сидела, уставившись на огонь.

– Если вам страшно, скажу сразу: у меня нет никаких запретных комнат. – Он тихо рассмеялся и придвинул мне чашку ароматного «Эспрессо». – Особенно тех, о которых пишут в ваших женских романах. Мы просто будем заниматься сексом.

Его взгляд вспыхнул пламенем, которое мгновенно добралось до моего сердца. Оно опалило душу, и я почувствовала, как гулко стучит кровь в висках. Щеки пылали, и я никак не могла решить, от чего – от стыда, или от его властного обаяния.

– А почему вы уверены, что я – именно та женщина, которая будет вас вдохновлять? – Я попыталась произнести это уверенно, но вышло жалко.

– Не знаю. Но мне нравится аромат ваших духов, цвет ваших глаз, ваши волосы и ваша фигура. Мы бы могли провести эксперимент.

– А как же... моя дочка? Я не смогу с ней видеться?

– Сможете. У вас будет обычный рабочий график. Если надо будет остаться на ночь или задержаться, я буду предупреждать вас заранее.

– Нет, я... я не смогу. Поймите, я привыкла работать... Быть вашей любовницей – это... меня воспитывали, что это плохо...

– Анна, когда в вашей жизни в последний раз был секс?

– Что?! – окончательно ступевалась я.

– Вы бьетесь одна уже год. Разве вы не пытались построить свою личную жизнь заново?

– Нет. Вся моя жизнь – работа, дом и дочка. Даже на сон не всегда времени хватает. О какой личной жизни вы говорите?

Он усмехнулся.

– Выпейте кофе, Анна. Вы слишком разволновались. Нервную систему надо беречь.

– Разве у вас мало претенденток? – придвигая к себе чашку кофе, глухо поинтересовалась я.

– Много. Но зеленые глаза и роскошные рыжие волосы в сочетании с приятным ароматом дорогих духов есть только у вас. Вы идеально вписываетесь в мой кабинет.

– Мне жаль, но я не смогу. Извините, что потратила ваше время.

Не помню, как я выбежала из бизнес-центра. На ходу запахивала пальто, садилась за руль своей машины и запиралась на все имеющиеся замки. Меня трясло так сильно, что стучали зубы.

Глава 3

Итак, я – полная неудачница. Написала еще одно письмо мужу Валере, теперь уже серьезно заявляя о том, что если он не ответит, то в понедельник я пойду подавать документы на развод.

Остаток дня проплакала у экрана ноутбука, просматривая вакансии. Нет, ничего подходящего не было. Из трех компаний пришел отказ, и я начала понимать: Покровский прав. На моем резюме поставили метку. Будь проклят мой бывший босс! Ушлый управленец знал, как сделать так, чтобы я оказалась на самом дне.

К пяти часам вечера приготовила ужин и побежала за Евой в садик.

Погода ухудшилась. Срывался мокрый снег вперемешку с дождем. Противный ветер порывами бил в лицо, и я уже пожалела, что не взяла машину.

Телефон завибрировал вызовом. Взглянула на экран и насторожилась. Мой бывший босс. Что надо этому старому подлецу?

– Аннушка, здравствуй! – весело проговорил знакомый голос. – Ну, как ты там поживаешь после увольнения? Вернуться не хочешь?

Это было очень унижительно, но в моей душе вспыхнула надежда. Вдруг все же можно повернуть время вспять и снова стать начальником отдела продаж?

– А у меня есть возможность?

В моем голосе прозвенела отчаянная надежда. Мой бывший босс ее уловил и властно усмехнулся. Сразу стало противно – от своего отчаяния, от уязвимости, от его гадского хамства.

– Возможность исправить ошибки есть всегда, милая Анна. Отработаешь повинность на выходных у меня в загородном доме, и у тебя снова появится шанс вернуться в наш отдел. Конечно, начать придется с самой низшей должности, а дальше все будет зависеть от твоей покладистости.

В его голосе слышалось торжество, и я дрожала всем телом – не от холода, нет, а от отвращения и унижения.

– Что ты молчишь, Анечка? У тебя ведь нет другого выхода. Никто не возьмет тебя на работу, пока не исправишь свою ошибку. Мой кабинет для тебя всегда открыт. Можем начать с завтрашнего дня. Скажем, в 7.30. На первый раз тридцати минут нам с тобой будет достаточно.

Я нажала отбой. Этот мерзкий слизняк ждал так долго, чтобы довести меня до отчаяния! Теперь у него развязаны руки, а я... я – мать-одиночка с кучей долгов и невыплаченной ипотекой.

Ева слишком долго возилась с дутым пальто в раздевалке. А еще она выпрашивала «киндер-сюрприз».

– Мам, ну купи-и-и! – цепляясь в мою руку, ныла дочка. – У Нади есть принцессы, и у Лиды есть...

– Одевайся! – прошипела я и нахлобучила ей на голову вязаную шапку с огромным помпоном.

– Mamочка-а-а, купи-и!

Другие мамы с любопытством, смешанным с жалостью, наблюдали за нашей перепалкой. В их взглядах читалось недоумение: как можно не купить любимому чаду шоколадный сюрприз?!

А у меня денег совсем не осталось, только впритык на продукты и хлеб. Как объяснить этим разряженным в меха куклам, что меня бросил муж и уволили с работы?!

За той самой Надей пришел папа.

– Вам помочь, Анна? – понимающе улыбнулся мне он.

– Нет, спасибо!

Но добрый папа полез в карман куртки и вытащил оттуда сторублевую купюру.

– Возьми денежку, Ева. Купишь себе шоколадный сюрприз с принцессой.

Ненавижу слащавых блондинов! Зажмурилась на миг, чтобы не ударить его по лицу за то унижение, которому он подверг меня на глазах у всех, а потом схватила дочку железной хваткой и поволокла к выходу.

Она редела, а в моем сердце пылала ненависть. Как же я ненавидела мужчин! Своего жестокого мужа, проклятого бывшего начальника, этого добряка папу Нади... Странно, я ненавидела всех, кроме Покровского. Боялась, да, но ненависти к нему не было. Сегодня утром он был хотя бы честен со мной. Ему нужна игрушка в постель, которая всегда будет рядом, и он готов за это платить. Он даже готов закрыть глаза на черную метку в моем резюме, потому что его идеально устраивает цвет моих глаз и длина волос.

Ветер хлестал меня по лицу, а я иступленно читала Еве лекцию о деньгах, которых нет.

– Я куплю тебе «киндер», но чуточку позже! Сейчас не могу, каждая копейка на счету!

– А Наде мама целую коробку «киндеров» купила. – Губки дочки дрожали от обиды. – У нее вся коллекция принцесс есть, а у меня ни одной...

– Куплю на выходных! – зло буркнула я. – Только пообещай мне, что больше не будешь устраивать концерты на глазах у чужих людей!

Ева плотно сжала губы и зашагала за мной следом, нахохлившись, как маленький воробей. В дутом оранжевом пальто она выглядела еще более неуклюжей, чем обычно, и мне вдруг стало ее нестерпимо жалко. Ну, что я, в самом деле? Это яйцо из шоколада – такая мелочь. У Нади с царственной походкой и смазливый личиком есть весь набор принцесс и папа-добряк, а у моей неповоротливой Евы – ни одной принцессы и папы на горизонте.

– Ладно, пойдем, купим «киндер». Только один, хорошо? – Я крепко сжала маленькую ручку в перчатке.

Заплаканные глазки сразу засияли счастьем.

– Я тебя люблю, мамочка, – засопела Ева.

– Я тебя тоже...

Нахмурилась и толкнула дверь небольшого магазина «Продукты».

Нам повезло: в шоколадном яйце оказалась та самая принцесса в красном платье, о которой так мечтала Ева.

Счастьем моей дочки не было конца, а мне снова хотелось плакать. Как я докатилась до такой жизни? Ведь раньше Еве покупали все, что она просила. А теперь... теперь я – нищая мать-одиночка с неподъемными счетами. И даже этот шоколадный сюрприз ударил по бюджету. Нам с Евой не выжить без помощи.

Глава 4

В девять вечера я уложила Еву спать и закрылась в ванной комнате. Проревела под душем полчаса, чувствуя себя полным ничтожеством.

Выбралась из ванной, замоталась в широкое полотенце и тщательно вытерла влажные волосы.

Тихо, чтобы не разбудить дочку, прокралась на кухню.

Подошла к залитому струями ледяного дождя окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Многоэтажки вдалеке мерцали сказочным светом. Мелькали огни машин на магистрали под проливным осенним дождем.

Постояла немного, любуясь ночной панорамой, а потом устроилась за барной стойкой. Обреченно вздохнула и взяла в руки сотовый.

На экране мерцало сообщение. В груди что-то кольнуло, пронзительно, резко, еще до того, как я осознала, от кого пришла весточка.

«Добрый вечер, Анна!»

Номер совершенно неизвестный, но перед глазами стоял Покровский. Высокий, властный. В серых глазах все так же мерцали отблески пламени камина.

Сглотнула, съезжилась. В груди засвербело, будто от удара током.

Рука сама собой потянулась написать ответ.

«Зачем вы мне пишете?»

«А вы ведь сразу меня узнали, верно?»

«Да»

«Как у вас это получилось?»

«Не знаю. Почувствовала».

«Я сейчас вам перезвоню».

Не успела напечатать пугливое *«Не надо!»*, как на экране завибрировал вызов с того же номера, с которого пришло сообщение. Сердце оборвалось и ушло в пятки от резкой трели.

Я отчаянно нажала на прием вызова, чтобы не разбудить Еву.

– Добрый вечер, – раздался мягкий голос в трубке.

Сердце ухнуло вниз, и по коже полетели мурашки. Где-то я слышала, что по-настоящему властные мужчины разговаривают именно так – мягко. В этом особая прелесть – подчинять себе людей приятным голосом. Но как же сексуально может звучать мужской голос в ночи!

– Добрый, – едва слышно ответила я.

Сердце заколотилось где-то в горле, и стало трудно дышать.

– Чем занимаетесь, Анна?

– В окно смотрю, – сорвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

– За окном дождь.

– Да, дождь.

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина.

– Вы любите дождь, Анна?

– Нет. От дождя становится грустно.

Паника прилиwała к щекам горячей волной. Зачем я говорю с ним? Ну, зачем?

– А мне он нравится, – хрипло усмехнулся мужской голос на другом конце провода.

От такой истинно мужской усмешки по спине снова побежали мурашки. Дыхание сбилось.

– Зачем вы мне звоните, Константин?

Он ухмыльнулся.

– Хотел узнать, не передумали ли вы насчет работы у меня.

– Неужели больше нет претенденток?

– С такими шикарными волосами и глазами – нет.

Я почувствовала, как он улыбается.

– Мне жаль.

– Я удвою сумму, и половину выплачу вам авансом, если согласитесь отработать месяц.

– Удвойте? – хрипло прошептала я, и кровь бешено запульсировала в висках. – Отчего такая щедрость?

– Скажем, с вашим уходом мой кабинет опустел. У вас в роду, случайно, ведьм не было?

– Не знаю.

– Мне кажется, были. Иначе как еще объяснить мое влечение к вам в канун Хэллоуина?

– К чему вам замученная бытом и неподъемным кредитом на квартиру женщина, Константин?

– Материальные проблемы легко решаются. А вот я не могу забыть ваши зеленые глаза...

Что на вас надето? – внезапно сменил тему он.

– Зачем вам это? – Сердце забилось так отчаянно, что мне не хватало воздуха.

– Я хочу знать, в чем вы предпочитаете ложиться в постель.

Я почувствовала, что он улыбается где-то там, в своей неведомой спальне.

Кожа покрылась волшебными мурашками, щёки вспыхнули румянцем – против всех доводов разума мне нравилась наша опасная игра в слова.

– Так что на вас надето, Анна?

– Ничего.

Я услышала, как он напряженно сглатывает. Понимала, что его тоже зацепило, и от этого испытала странное торжество – истинно женское, от того, что все еще могу, оказывается, нравиться мужчине, пусть его и обвиняют во всех преступлениях нашего города.

– Я только что из ванной, на мне широкое полотенце. – Я решила подсыпать перца в наш разговор.

Какое-то мгновение он молчал.

– А волосы? – прозвучал у меня в ушах его внезапно охрипший голос.

– Волосы влажные, в совершенном беспорядке. Я не успела их высушить.

– Вы заводите меня своими ответами, Анна.

– Я не хотела. Вы сами спросили.

Я невольно улыбнулась, просто оттого, что я ему приятна в этой полной болезненного одиночества осенней ночи.

– А я бы хотел... – хищно выдохнул он. – Хотел бы запустить пальцы в ваши волосы, притянуть к себе и властно поцеловать. Медленно снять полотенце, погладить обнаженную спину, усыпать поцелуями шею и плечи...

Моя кожа вспыхнула огнем. Все, что он говорил, ярко рисовало воображение. Вот я стою перед ним у того самого камина, совсем без одежды, волосы рассыпаны по плечам. Он – без пиджака, в одной рубашке. Галстука нет, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Его руки, такие сильные, шероховатые на ощупь, гладят мои плечи, спину, опускаются ниже, оглаживают ягодицы, и я плавлюсь от прикосновений. Его губы опускаются на мои, целуют жадно, властно...

Прикрыв глаза, со вздохом подаюсь ему навстречу. Он укладывает меня на пушистый ковер у камина. Его сильные руки ласкают меня – откровенно, бесстыдно, заставляя извиваться и стонать от этих обжигающих прикосновений... Губы нежно усыпают поцелуями низ живота. Со стоном подаюсь ему навстречу, обиваю руками его шею и...

– Аня... ты еще здесь? – послышался в телефоне голос Константина.

Я вздрогнула от его резкого голоса и вынырнула из своих фантазий.

– Д-да.

Выдыхая, ощутила, как внизу живота все пылает от нереализованного желания.

– Распусти полотенце, – будто ощущая мое желание, приказал он.

Закусив губу и прикрыв глаза, я с вождением обнажила грудь.

– Ты чувствуешь желание, Анна?

Дождь за окном всё усиливался, стучал по стеклам. Огни далеких многоэтажек казались совсем сказочными в потоках воды. Дыхание предательски сбилось, выдавая меня с головой.

А я ведь не просто чувствовала. Мне не хватало этого мужчины рядом.

– Я хочу видеть тебя завтра.

– Завтра суббота.

– Ровно в десять часов утра за тобой приедет машина.

Я резко вздрогнула, возвращаясь в реальность.

– Я не поеду.

– Ты упрямая, да?

– Да.

– Я упрямее.

В трубке раздались короткие гудки.

Сглотнув, я открыла глаза и стыдливо запахнула полотенце. Тело ныло от сладкой истомы.

«Я удвою оплату»

– Да, Мистер Властный Босс, удвойте оплату моего грехопадения, – зашептала я угасшему телефону. – Тогда я оплачу все счета и куплю моей маленькой дочке целую коробку «киндер-сюрпризов». Их там двадцать восемь. Сейчас для меня стоимость коробки с двадцатью восемью сюрпризами из шоколада неподъемна. . . . Только, знаете, что? Сделайте так, чтобы о моем позоре никто не узнал.

«А если Мистер Всевластие действительно пришлет машину?» – стучались в голову тревожные мысли.

«Он не придет, – заводя будильник на шесть утра, пообещала себе я. – А если придет, то нас с Евой не будет дома. Он не знает, что по субботам в десять часов утра у нее занятия в художественной школе».

Глава 5

В субботу, 31 октября, художественная школа устроила праздник «Дары осени». Все ученики должны были принести поделки из осенних материалов. Мы с Евойнесли слепленный своими руками осенний сад из шишек, листьев и веток. В самой середине нашего садика красовался вырезанный из маленькой тыквочки «Джек-фонарь». Сам садик уместился в деревянной коробочке и смотрелся очень живописно.

На всякий случай я собрала Еву пораньше: как знать, что придет в голову моему ночному собеседнику?

Дождь прекратился, выглянуло яркое солнце – пронзительное, осеннее, и теперь мы бежали по усыпанным желтыми листьями дорожкам, перепрыгивая через лужи. Теплее почему-то не стало.

– Мама, куда мы бежим? – непонимающе посматривала на меня дочка.

«Убегаем от очень нехорошего дяди, милая».

– Бабушка просила прийти в школу пораньше, – подмигнула ей я. – Помочь разложить на стендах поделки.

– А-а-а... – протянула Ева и больше не задавала вопросов.

В здании школы к нашему приходу уже было оживленно.

– Аня! – приветливо помахала мне свекровь Валентина. Её голубые глаза сверкнули радостью в сторону Евы. Да, Ева тоже получила голубые глаза, как у свекрови и ее непутевого сыночка, и Валентина этим фактом очень гордилась.

Она здесь правила. Вся муниципальная школа послушно шагала строем под руководством властной Валентины. Именно поэтому с меня не брали оплату за занятия, а наши с Евой поделки занимали призовые места (благо, я действительно хорошо умела делать поделки).

Я бы, может, и не водила сюда Еву, да свекровь упорно настаивала на том, что девочку надо приобщать к прекрасному всеми доступными способами. А если ее сын оказался профаном, это не значит, что Еву надо лишать образования, пусть даже и бесплатного.

Когда живешь в небольшом районе, все на виду. Одни и те же лица в детском садике, в художественной школе. Всем было известно, что у нас материальные проблемы, что я задерживаю плату за садик и что с меня не берут денег за посещение художественной школы. От этого я чувствовала себя ужасно неловко и не раз порывалась забрать Еву из школы. Но разве свекрови можно что-то объяснить, если она вбила себе в голову, что Еву надо сюда водить?

Ева радостно прыгала вокруг своей бабушки по непутевому отцу, а я покорно помогала раскладывать поделки на столах и размышляла, как бы выудить у Валентины пару тысяч в долг до конца недели. Джинсы, мягкий бирюзовый свитер, собранные в «хвост» непослушные волосы – в это утро я была образцом добродетельной мамочки и во всем слушалась свекровь. Что поделывать, мне нужны деньги на жизнь, а выудить их можно только у Валентины. Хочешь получить деньги взаймы – будь хорошей невесткой.

Мне улыбались знакомые по детскому садiku мамы, а я их тихо ненавидела: на праздник многие притащили за собой не только отпрысков и корявые поделки, но еще и отцов семейства.

– Ева, а твой папа придет на праздник? – противно загнусавила рядом со мной разряженная в модные джинсы и футболку Надя – та самая, у которой была вся коллекция принцесс из сюрпризов и папа которой накануне порывался помочь мне справиться с истерикой Евы.

– Не у всех такие хорошие папы, как у тебя, зайка, – взяла ее за руку родная мать. Окинула меня торжествующим взглядом, и я сжалась. Стало горько. Я ей всегда не нравилась – наверное, потому что была раза в три стройнее, а их «хороший» папа пару раз подмигивал мне на детской площадке и всегда предлагал свою помощь.

– Иди к бабушке, Ева, – нахмурившись, приказала я.

Понуро отвернулась. Все балагурили, шумели, бродили вокруг поделок.

Я стояла у столов, следила, чтобы поделки не трогали руками. Настроение было хуже некуда. Мысль о том, что по окончании праздника мне придется выпрашивать у свекрови деньги займы, глодала меня изнутри.

– Мне кажется, вон та тыква на фоне осеннего сада выглядит отлично. Может, потому, что сегодня Хэллоуин? – опалил шею горячий шепот.

В нос ударил аромат мужского парфюма с ноткой табака, уже неуловимо знакомый, и я вздрогнула. Осторожно подняла глаза, и сердце ушло в пятки от страха: за моей спиной стоял Константин.

Мне показалось, что там стоит не человек, а дьявол – настоящий дьявол во плоти! Джинсы, светлый пуловер, добротное кашемировое пальто – этот высокий мужчина ничем не отличался от других пап, пришедших на праздник. Выдавали его только начищенные до блеска черные туфли и едва осязаемый стальной блеск в глазах, а еще два огромных амбала на входе, будто невзначай поигрывающие мускулами под кожаными куртками.

Пол качнулся и ушел из-под ног. Я икнула и попятилась к стене.

– Кажется, я сказал, что в десять часов пришло машину. – Константин впился железной хваткой в мое запястье. – Или вы думаете, что в этом ветхом заведении от меня можно спрятаться?

– Что вам нужно? – сглотнула я. – Я занята, неужели непонятно?

– Нет, мамочка, папа Евы тоже пришел на праздник! – звонко завопила где-то справа от меня противная Надя. – Вот же он! Вот! – И принялась тыкать в Константина маленьким пальчиком.

Все родители и дети разом обернулись в нашу сторону. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Щеки вспыхнули, и я даже на миг зажмурилась, отказываясь верить в происходящее.

Бесстрастное лицо Константина изобразило изумление, и он выпустил мою руку.

– Ева, Ева, иди сюда! – продолжала кричать во все горло маленькая дрянь. – Твой папа пришел!

Моя дочка удивленно взглянула на стоявшего рядом со мной жуткого монстра. Его охранники непонимающе скривились.

В глазах матери Нади сверкнуло то самое проклятое торжество. Она все поняла.

– Это не папа, милая, – громко произнесла она. – Скорее всего, какой-нибудь коллектор, которому мама Евы задолжала денег. Ее же никто не берет на работу... Поехали лучше в «Маки», купим что-нибудь вкусное.

Они заторопились к выходу. Остальные участники праздника потеряли к нам интерес и снова начали балагурить, лавируя между столами с поделками.

– Мам... я тоже хочу в «Маки». – Ева жалобно взглянула на меня.

– Хорошие девочки не едят в таких ужасных местах, это вредно! – буркнула я. – Иди к бабушке. Она в своем кабинете, готовит призы для победителей. Уверена, мы с тобой обязательно займем призовое место: не зря же трудились над своим садиком.

Ева, окрыленная надеждой на победу, со всех ног бросилась в кабинет свекрови.

– Зачем вы сюда пришли? – Скрестив руки на груди, я взглянула на Константина. – Испортить то, что и так испорчено?

– А вам идет этот свитер, – внезапно улыбнулся «монстр». – Он подчеркивает цвет ваших глаз.

– И что?

– А то, что все папы на этом детском празднике тарачатся только на вас. Вы слишком хороши для этого места, Анна. Могу поспорить, что та жуткая мамочка с противной дочкой ненавидит вас исключительно потому, что ее муженек не раз заглядывался в вашу сторону.

– Оставьте меня в покое, Константин! – устало отмахнулась я. – К чему этот цирк? Я – безработная мать-одиночка и совершенно не подхожу на ту роль, которую вы мне приготовили.

– Позовите свою дочку.

– Зачем?

– Мы отвезем ее в «Маки» и купим ей то, о чем она так просила.

– Вы не понимаете? Я не могу позволить себе ее туда отвезти.

– Я вас приглашаю. Вас и Еву.

– Ну, нет. Мы не поедem.

Его глаза сверкнули лукавым блеском.

– А мы спросим у Евы.

– Не играйте на чувствах моего ребенка! Это жестоко!

– И не собираюсь!

– Внимание, внимание! У нас появились победители! – громко заявила свекровь. Впи-
лась пристальным взглядом в Константина и зловеще блеснула голубыми глазами из-под своих
очков.

За ее спиной построились еще две преподавательницы. Они с улыбками сжимали
коробки, в которых хранились призы победителям.

– И наша победительница – Ева Макеева! Ее поделка занимает первое место!

– Ева, твоя поделка заняла первое место! Скажи, ты делала ее сама или помогала мама? –
не спуская глаз с Константина, громко спросила Валентина

– Мама помогала, – засопела дочка и под аплодисменты стоявших рядом родителей
покрылась пятнами от волнения.

Ей вручили «чупа-чупс» и какой-то дешевый китайский конструктор – из тех, что даже
не собираются по инструкции, потому что детали не подходят друг другу по размеру. Но Ева
так радовалась, как будто ей подарили коллекционную куклу, а не дешевый набор.

Мне стало стыдно.

Обернулась на «монстра», но Константин широкими шагами двигался к выходу. Подо-
звал своих охранников, и они скрылись за дверью.

У меня отлегло от сердца.

«Господи, пусть он исчезнет! Навсегда исчезнет из моей жизни!» – молила я.

Мы подождали, пока подарки вручат всем. Участники праздника постепенно забирали
поделки и расходились.

Я помогла Еве одеться, на этот раз слишком быстро, надеясь проскочить незамеченной,
на тот случай, если Константин не уехал. А ведь еще надо выпросить у свекрови денег, иначе
на выходных нам придется есть одну гречку.

– Ну что, Ева, поедem в «Маки»? – раздался уверенный голос за моей спиной.

Я вздрогнула, но было поздно. Константин оттеснил меня и улыбнулся Еве обаятельной
улыбкой.

Девочка растерянно взглянула на меня, потом на него. Глазки предательски вспыхнули
восторгом.

– Только с мамой, – смущенно пробормотала она.

– Конечно, а куда же без мамы?

Он улыбнулся мне так обаятельно, что я на миг потеряла бдительность.

Этого оказалось достаточно. «Монстр» подхватил Еву на руки и понес к выходу.

– Догоняйте, Анна. Мы будем ждать вас возле машины, – бросил он мне через плечо.

–Что?.. Нет!

Сердце ушло в пятки. Он уносил моего ребенка, а я ничего не могла сделать!

– Кто это такой, Аня?! – взвизгнула рядом со мной свекровь.

– Я не... не знаю!

– Как – не знаешь?! Он взял на руки Еву, а ты его не знаешь?!

Я бросилась к выходу, на ходу натягивая пальто.

Выскочила на порог школы и растерянно застыла.

«Монстр» уверенно нес Еву на руках, а она... она смотрела ему в глаза и смеялась. Я вдруг поняла, что ей нравится. Нравится, что у нее тоже есть некто, похожий на «папу».

– Постойте! Константин! – Запыхавшись, я побежала следом за монстром.

– А вот и мама! – Он одарил Еву доброй улыбкой и осторожно поставил ее на землю.

– Мама! Мы же поедem в «Маки», мамочка? – Ева впиалась в мою руку своими маленькими пальчиками, и ее глаза засияли, как медные пятаки.

Я закусила губу. Как объяснить ребенку, что дядя, к которому она так доверчиво забралась на руки, – самый страшный человек в городе? Как объяснить, что ему приписывают жуткие преступления и у него столько денег, что он может купить все, что пожелает, даже наши с Евой жалкие жизни?

– Я приглашаю, Анна, – твердо произнес Константин. – Раз уж я вмешался в вашу жизнь и поставил вас в неловкое положение, позвольте сделать подарок девочке. Вас это ни к чему не обязывает, поверьте. Просто... позвольте своей дочке побыть счастливой. Мы пообедаем там, где она хочет, а потом я отвезу вас домой.

Он подошел ко мне поближе и аккуратно застегнул пуговицы на моем пальто.

Я растерянно следила за его пальцами. Серебряная печатка с деликатными графическими узорами, украшенными бриллиантами, на безымянном пальце правой руки подчеркивала брутальность владельца. Взгляд серых глаз прожигал насквозь. От аромата истинно мужского парфюма кружилась голова.

– Пожалуйста, – приблизившись настолько близко, что я перестала дышать, мягко произнес он.

– Вы обещаете, что с моей малышкой ничего не случится? – чувствуя, как сердце бьется набатом в виски, выдавила из себя я.

– А что с ней может случиться? – Константин приподнял бровь. – Мы пообедаем вместе, только и всего. О наших личных делах поговорим позже.

– Ладно... хорошо... – Кажется, я сошла с ума, соглашаясь. Но мне казалось: если откажу ему, будет еще хуже. Константин был монстром, но почему-то я чувствовала: он не станет мне лгать. Ему просто хочется сделать приятный сюрприз моей дочери, которая так наивно доверилась его обаянию.

В «Маке» было шумно. По субботам обычно всегда много посетителей. Нам повезло: освободился столик рядом с входной дверью, и я быстро нырнула на свободное место.

– Пойдем на кассу, Ева, – Константин взял мою дочку за руку. – Выберем тебе обед.

– А игрушку можно? – с надеждой посмотрела на «монстра» Ева.

– А здесь продают игрушки? – удивился Константин. И мне сразу стало ясно, что у него никогда не было детей.

– Даже шарики дарят, – сообщила я.

– Ну, тогда идем, – подмигнул Еве Покровский.

Я не удержалась от улыбки: слишком забавно они смотрелись у кассы в очереди – Ева и огромный «монстр» в стильном кашемировом пальто.

Они вернулись с целым подносом еды.

– Скупили все, что было в меню? – усмехнулась я.

– Просто мы не спросили, что ты будешь. А кричать через толпу было неудобно. – Константин приземлился напротив нас с Евой и принялся раскладывать коробки с гамбургерами и картошку.

Этот переход на «ты» всколыхнул тревогу. Я боялась этого «ты»: ведь оно запускало свои ледяные щупальца в мою душу, и та начинала откликаться.

– Мы сходим руки вымыть, – выдавила из себя. Поднялась из-за стола и потащила Еву в дамскую комнату.

Когда мы вернулись, Константин задумчиво пил кофе из бумажного стаканчика.

– Знаешь, Анна, я передумал, – скользнул по мне взглядом он. – У нас с тобой ничего не выйдет. Извини, что испортил вам с Евой праздник и дал повод для сплетен.

Я растерянно подняла на него глаза.

– И лучше тебе уехать из города. Возвращайся с дочкой к родителям. Здесь ты больше не найдешь работу, твой бывший работодатель об этом позаботился.

Натянуто улыбнулся, допил кофе и подмигнул Еве.

– Не скучай, малышка.

Поднялся из-за стола и положил на поднос пятитысячную купюру.

– Прощай, Анна. На деньги купи вам еду и заправь машину. Этого должно хватить.

Развернулся и быстро зашагал к выходу сквозь толпу желающих поесть гамбургеры.

Я сидела и ошеломленно смотрела в широкую спину, обтянутую кашемировым пальто. Спина растворилась в толпе, а меня пронзила горечь потери. Что-то едва уловимое шевельнулось в сердце и тут же померкло. Теперь я не хотела, чтобы он уходил. Но он решил по-своему. Оставил меня одну накануне ноября.

Глава 6

На город опустился вечер. Ева смотрела мультфильмы по телевизору, а я мерила шагами кухню, смотрела в окно и курила у открытой форточки. Я не находила себе места.

Если Константин прав, мне нечего делать в городе. Мой муж растворился в закате, а без работы ипотеку и все счета я не потяну. В родном городе есть, где жить, пусть всего лишь «двушка» на четвертом этаже девятиэтажки, но мама и папа меня не прогонят. Поищу работу по профилю, глядишь, все наладится.

Затушила сигарету и набрала номер телефона матери. Рассказала все, как есть.

– Возвращайся, что-нибудь придумаем, – вздохнула она. – Я скажу папе, что ты завтра будешь дома. И подай, наконец, на развод. На черта тебе такой муж?

– Я считаю, что у меня больше нет мужа.

– В паспорте стоит печать о браке. От нее надо избавиться.

– В суде госпошлину надо платить, а мне нечем.

– Не затягивай с разводом, Аня. Денег он не дает, дочкой не занимается.

– Ладно, ладно...

До позднего вечера я собирала вещи. Поместятся ли наши с Евой шмотки в багажник моей машины?

– Возьмем самое нужное, а за остальным я вернусь на выходных. В конце концов, летние наряды вряд ли понадобятся нам до поздней весны, а на носу зима, – вслух рассуждала я. Но Ева сосредоточенно таскала за мной следом своих кукол и мягкие игрушки.

– Положи самых нужных в свой рюкзачок, – командовала я.

– И сервиз для кукол, мама?

– И сервиз.

– А карандаши?

– Карандаши тоже клади.

Треск ломаемой входной двери раздался внезапно. В следующие три секунды она просто слетела с петель и с грохотом повалилась на пол в прихожей.

Ева, вздрогнув, бросила игрушки и кинулась ко мне.

Я с ужасом смотрела на четверых мужчин в черных масках с автоматами.

– Где фотографии? – ткнул дуло автомата мне в горло один из них.

– Какие... фотографии? – едва слышно прохрипела я и заслонила собой дочь.

– Которые этот ублюдок обещал отдать очень нехорошим людям!

– Я не понимаю...

Удар по лицу наотмашь заставил меня громко вскрикнуть. На языке появился солоноватый привкус. Я схватилась за щеку и разбитые губы. Ева вцепилась мне в ногу и заревела.

Один из налетчиков остался дежурить у двери, а двое других принялись обыскивать квартиру.

Мужская рука в черной перчатке впиалась в мои волосы и притянула к лицу в черной маске.

– Где фотографии?!

– Я не... не знаю, о чем вы говорите... Кто он?

– Твой муж, сучка! Где он их прячет?!

– Я не видела мужа уже почти год! Он забыл, что такое платить за дочкин детский сад и ипотеку! Как я могу знать, где он что-то прячет, если его здесь не было черте сколько времени?!

– Покрываешь его?! Я научу тебя говорить правду!

Впервые в жизни меня бил мужчина. Швырнул на пол и жестоко, беспощадно избивал под вой обезумевшей от страха дочки. Я беспомощно прикрывалась руками и глухо стонала. Перед глазами плыли круги, а он не унимался.

– Советую тебе вспомнить, где твой муж прячет фотографии, – раздалось откуда-то сверху.

– Я не знаю... не знаю... – беспомощно хрипела я. – Я не видела его много месяцев... он нас бросил...

– Дэн, хорош ее мутузить! Она ничего не знает. На почтовом ящике висит почти сорок отправленных ему писем, – раздался другой голос где-то рядом со столом.

И все исчезло.

Я очнулась на полу от всхлипываний сидящей у меня в ногах Евы. Перед глазами плыли красные круги. Квартира была больше похожа на помойку. Разбросанные вещи, битая посуда.

– Мама-а-а... мамочка-а-а... Проснись, пожалуйста, проснись...

Кое-как села на полу. Вытерла кровь.

– Ева, немедленно собирайся, – приказала онемевшими губами. – Мы уезжаем сейчас же. Я только умоюсь... и не реви. Мы должны быть сильными. Кроме нас самих нам никто не поможет...

Дочка затихла. Поднялась с пола и опрометью бросилась к дивану, где лежал ее рюкзачок.

Мне было больно. Болели ребра, грудная клетка, разбитые губы саднило. Стиснув зубы, я приказала себе подняться и идти в ванную комнату.

Переоделась, помогла одеться испуганной Еве.

Эти мрази вынесли из квартиры всю электронику, даже телевизор. Я лишилась сотового телефона и ноутбука, Ева – своего планшета. А еще в нашей квартире больше не было входной двери. Пробитая пулеметной очередью и покореженная, она валялась на полу в прихожей.

К счастью, пятитысячная купюра, оставленная Константином, осталась нетронутой в кармане моего пальто.

Я была до смерти напугана. Мы с Евой вышли крадучись из подъезда, и под покровом темноты заспешили к стоянке. Я несла в руках сумку, она трусливо прижимала к груди рюкзак с игрушками.

Холод давал о себе знать. Он забирался под пальто, заставлял ежиться. Если Хэллоуин и был страшным праздником, то для нас с Евой он стал действительно жутким.

Мы добрались до стоянки без приключений. Трясущимися руками я открыла ледяной замок и запустила Еву на заднее сиденье своей машины.

– Пристегнись, мы будем ехать быстро, – приказала дочери, и она послушно принялась дергать ремень безопасности детского кресла.

Спустя еще несколько минут мы миновали жилые дома и свернули в сторону трассы. Мой «Хендай Солярис» несся по ночной дороге в сторону Краснодара.

Время перевалило за полночь, когда мы с сонной Евой добрались до микрорайона, в котором жили родители.

– Как же так, Аня? – с ужасом взирала на меня мама в прихожей. – Что у тебя с лицом? И почему ты не позвонила?

– Нас чуть не убили, бабушка! – округлив глаза, затараторила Ева. – Дядьки в черных масках и с автоматами! Они маму били, били...

– Твою мать!.. – выглянул из спальни мой отец. – Это что такое? Вас хотели ограбить?

Я взглянула на отца. Наверное, он – единственный мужчина в моей жизни, который ложится спать в шелковой пижаме.

– Нет... – покачала головой я и принялась снимать пальто. – Они искали какие-то фотографии, которыми их шантажировал Валера. Забрали из квартиры всю технику. Даже телевизор и планшет Евы.

– А сам этот урод не появлялся?

– Не появлялся. Я ему столько писем написала, ни одного ответа.

– Ну, попадись он мне! – сжал кулаки отец.

– И не одному тебе, судя по всему. Они дверь нашей квартиры из автомата расстреляли, – понуро сообщила я.

– Ни хрена себе!

– Ева, давай помогу, – бросилась к внучке моя мама. – А вещи как же? Вы бросили все без присмотра?

– Какие вещи?! Мы думали, живыми не уйдем! – отмахнулась я.

– Я завтра на квартиру съезжу, – нахмурился отец. – Заберу все, что осталось. Квартиру продадим, срочно. Ипотеку погасим с вырученных денег, и все, хватит. Нажилась ты замужем, Аня. Пришло время начинать с начала. Хорошо, что Ева подросла. Отлежишься несколько дней, мы с матерью попробуем пока ей место в садике выбить. Глядишь, и работу новую найдешь. С твоим образованием у нас не сложно будет место тебе подыскать.

– Пойдем, Ева, я тебя спать уложу. Ты пижамку взяла?

– Забыла... – растерянно взглянула на меня дочка. И вдруг всхлипнула: – Я забыла... забыла, мама... я не взяла... Они ее заберут! Заберут мою пижаму...

Ее накрыло истерикой. Она редела так отчаянно, как будто забыла не пижаму, а что-то по-настоящему важное.

– Успокойся, у меня с лета твоя пижама с котиками осталась, – бросилась уговаривать ее бабушка. – А завтра деда привезет ваши вещи. Довели ребенка до нервного срыва! Попадется мне Валера...

Пижаму с котиками нашли быстро. Отец с матерью стелили в гостиной на диване нам обеим, а я закрылась в душевой и плакала. Все тело было в синяках и кровоподтеках. Меня трясло, и я никак не могла взять себя в руки. Просто... когда четверо мужиков с автоматами врываются в твою квартиру и бьют – это жестоко и неправильно.

Мама приготовила мне чаю, но он не лез в горло.

– Дай чего-нибудь успокоительного лучше. И обезболивающего. Чтобы заснуть, – попросила я.

– Капли валосердина накапаю. Другого нет ничего, завтра в аптеку схожу, куплю таблетки.

Она поднялась из-за стола и достала из буфета капли. Скоро едкий запах валосердина разливался по кухне.

Я залпом выпила таблетку и пошла в гостиную. Забралась в полумраке под одеяло и закрыла глаза с надеждой на сон.

– Мамочка, – вдруг зашептала Ева, – папа приходил ко мне в садик.

– Тебе сон приснился, – через силу заулыбалась я и погладила ее по маленькой головке. – Так бывает, когда переволнуешься. Кажется, что сон наяву.

– Нет, мамочка. Он приходил. Когда я «киндер» просила, и ты купила его, помнишь?

– Так... а зачем он приходил? – все еще не веря ее словам, приподнялась на локте я.

– Он попросил меня поклясться, что я тебе не скажу. И положил в мой шкафчик какую-то важную штуку. Попросил не трогать ее ни в коем случае. Сказал, заберет через несколько дней.

– Какую штуку? – не на шутку испугалась я.

– Не знаю, мамочка. Она в пакет запакована, в черный.

Я ошеломленно уставилась на дочку.

– Ева, ты сейчас обманываешь меня?

– Нет, мамочка. Приходил папа.

– Ладно, спи... завтра об этом поговорим.

Ева послушно забралась под одеяло и закрыла глаза.

Я уставилась в потолок. То есть, этот мерзавец ошивается в городе, а врал, что в Скандинавии! Он пришел в садик к дочке и посмел оставить у нее в шкафчике нечто похожее на разрывную гранату, из-за которой меня избили! И при этом не ответил ни на одно мое письмо! Не подумал, что у меня не оплачены счета и нет работы! Не подумал, что подвергает дочку смертельной опасности!

«Лучше бы домой притащился и в холодильник заглянул. Там же мышь повесилась! Единственный, кто позаботился о нас с Евой, был страшный «монстр» по имени Константин! Если бы не его пять тысяч, мне бы заправить машину было не на что!»

Константин... Перед глазами встала его широкая спина в кашемировом пальто, плающее пламя встроенного в стену искусственного камина, его тяжелые руки на моих плечах, аромат мужских духов с ноткой табака... Стало тоскливо – пронзительно, по-осеннему. Обольстительный «монстр» отказался от идеи взять меня к себе на работу, а я, кажется, влюбилась.

«Все хорошие девочки хоть раз в жизни, но влюбляются в плохих парней. Константин не просто плохой. Он – бандит, жестокий и беспощадный. Только почему я никак не могу выбросить его образ из головы? Почему мне так тоскливо от того, что он попрощался со мной навсегда?»

Мысли кружились в голове странным вихрем до тех пор, пока успокоительные капли не сморили меня окончательно.

Глава 7

Воскресное утро в родительской квартире. Что может быть приятнее после полутора месяцев отчаянной безнадёги и отказов работодателей?

Сквозь сон ощутила аромат свежих блинчиков – мама встала пораньше, чтобы приготовить вкусный завтрак.

Евы рядом не было – наверное, она ускакала на кухню.

У меня печь блинчики не получалось никогда, поэтому в нашей повседневной жизни дочке приходилось давиться размороженными полуфабрикатами с красивым названием «Блинчики с творогом».

Видимо, сегодня наступил праздник живота. Вместо полуфабрикатов – натуральный продукт.

Я села на кровати. События прошлого вечера казались диким недоразумением... ну, или, на крайний случай, страшным сном. Вот только синяки на моем теле далеко не мираж. Они были настоящие.

– Аня, ты встала? – В гостиную заглянул отец.

– Почти.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как человек, которому накануне угрожали автоматом и избивали.

– Может, к врачу?

– Нет, спасибо, пап. Мне не настолько плохо. Пару дней отлежусь и начну искать работу.

– Я позвонил дяде Жоре, он сегодня выходной. Мы с ним вместе в Ростов съездим. Пусть попробует отпечатки пальцев снять – вдруг что прояснить удастся.

– Тебе виднее, пап.

Дядя Жора – мой крестный, и по совместительству оперативный сотрудник местного уголовного розыска. Габариты дяди Жоры пугают, но, если надо, он и прикладом приложит, и всю обойму, не моргнув, в бандитов выпустит.

О ночном бреде Евы я намеренно умолчала, боясь, что, если Валера действительно оставил страшный пакет у дочки в шкафчике и папа об этом узнает, могут пострадать все. Пусть эти безбашенные идиоты с автоматами сами ищут то, что им нужно.

Когда я вышла из гостиной, папа был уже при параде и допивал кофе на ходу. Трель дверного звонка известила о прибытии дяди Жоры.

– Я открою, пап. – Я поспешила к двери.

На пороге действительно стоял необъятный дядя Жора. Он был в штатском.

– Анька, привет! Ну, что стряслось-то? — Дядя Жора сжал меня в своих огромных лапшах.

– Я до сих пор не нахожу объяснения тому, что вчера произошло, дядя Жора, — осторожно высвободилась я, морщась от боли. – Дверь квартиры расстреляли из автомата, а меня избивали. Вынесли из квартиры всю технику.

В карих глазах дяди Жоры вспыхнул недобрый огонь.

– А что искали brave молодцы?

– Какие-то фотографии, которыми их шантажировал Валера.

– Фотограф недоделанный! – прорычал дядя Жора. – Вот всегда он мне не нравился, Аня! Хоть убей, не того мужика ты в мужья выбрала!

Он пожал руку папе, бесцеремонно подхватил с тарелки закатанный блинчик с творогом и отправил его в свой огромный рот.

– Так, девочки, на всякий случай посидите сегодня дома, – скомандовал он.

– Давай, кофейку налью? – снисходительно улыбнулась мама.

– Нет, не хочу. Давление с утра шпарит, – помотал головой тот.

– Вещи привезем, дверь попробуем новую поставить. Так что, раньше вечера не ждите, – сообщил папа уже из прихожей.

Он быстро обулся, надел пальто, и они с дядей Жорой отчалили из квартиры.

– Мам, у тебя в сотовом номер Валентины сохранился? – за завтраком спросила я.

– Конечно. А тебе зачем?

– Надо ее предупредить, что мы с Евой уехали.

Это вранье: на самом деле, я хотела знать, не приходил ли Валера к ней домой. Хотя, если бы он приходил, разве она стала бы молчать? Она ведь знала, в каком положении оказались мы с Евой из-за моего увольнения.

– Ань, я бы на твоём месте всю их семейку послала далеко и надолго. И подай, наконец, документы на развод! – назидательно проговорила мама.

– Подам, обещаю.

Мама может быть строгой, если хочет. Я украдкой бросала взгляды на Еву. В пижаме с котятками она выглядела особенно милой. Она безмятежно поливает блинчик медом. Как будто вчера ничего не случилось.

– Мам, – внезапно оторвалась от своего занятия малышка. – А Константин еще раз сводит нас в «Маки»?

Я вздрогнула, как будто меня ошпарили кипятком.

– Откуда ты знаешь его имя?

– Он сам мне сказал, – загадочно улыбнулась Ева. Так искренне могут улыбаться только дети.

– Нет, не сводит, – недовольно проворчала я.

– Жаль. – Личико дочки стало грустным. – Он хороший.

Я приоткрыла рот. С чего ей пришло в голову, что Константин хороший?

– Что за Константин? – с любопытством посмотрела на меня мама.

– Забудьте! – отмахнулась я.

Больше вопросов мне не задавали. У нас в семье не принято досаждать друг другу распросами.

Глава 8

– Эта сука умудрилась сдохнуть! – кусая кулаки, выл на темно-красном диванчике у камина красивый брюнет. – Сдохнуть от передоза!

Он хлебал виски прямо из бутылки, не закусывая, и снова скулил. Дорогие шмотки, которые на любом другом мужчине смотрелись бы идеально, были нещадно смяты, и выглядел красавец не очень. Одного взгляда хватало, чтобы понять: он беспробудно пьет уже как минимум сутки.

Константин бросил мрачный взгляд на брата. Он не любил, когда в его рабочем кабинете закатывали пьяные истерики. Но Игорь... он появился на свет, когда Константину исполнилось десять лет, не спрашивая, хочет ли Костя себе на шею обузу, и с тех пор от Игоря не было никакого спасения. Сладкий красавчик и любимчик женщин, Игорь не обладал хладнокровием и мрачностью, присущими старшему брату. Не имел он и деловой хватки. Все, на что был способен Игорь – это махинации с документами. Отследить и поймать его за руку порой было невозможно даже в собственной бухгалтерии компании «Покровский и К».

Два года назад Игорек совершил ужасный просчет. Как-то он заговорил о собственном деле. Просил денег в долг на покупку дорогой недвижимости. Константин по недосмотру согласился. Отель – хороший способ получить прибыль, а инвестировать деньги куда-то было нужно. Он предлагал брату приобрести отель где-нибудь на побережье – в Крыму или Сочи, довести его до уровня «пять звезд», запустить рекламу и получать хороший доход.

Слишком поздно Константин узнал, что мечтала об этом и подружка Игоря Наташа, родственники которой обитали под Краснодаром. Жениться Игорь не планировал, однако взял в долг деньги у брата. Никого не предупредив, отправился в Краснодар, посмотреть предлагаемую Наташей недвижимость. Все шло гладко, пока Наташа не познакомила Игоря со своим якобы дальним родственником, который занимался продажей недвижимости.

Очнулся Игорек через три дня в паршивой гостинице с обручальным кольцом на пальце и оформленной на молодую жену третьесортной гостиницей а-ля «Турист», которая больше тянула на хостел. Чем опоили идиота братца ушлые родственники Наташи, одному Богу известно. Да только выцарапать обратно средства, потраченные на покупку отеля, было невозможно. Закон встал на сторону новоявленной супруги.

С той поры вся прибыль от работы третьесортного отеля делилась пополам: половину дохода получала Наташа на счет своих родственников, о чем было черным по белому прописано в брачном контракте. В случае развода недвижимость тоже делилась пополам, так что попал Игорек по самое «не хочу».

Константину о чудовищной махинации сообщили слишком поздно. У родственничков Наташи была своя «крыша», и выцарапать обратно потраченные на покупку недвижимости двадцать миллионов рублей в чужом регионе оказалось невозможно.

Внезапно появившуюся супругу и ее многочисленных родственников Игорь ненавидел, в подаренном на свадьбу двухэтажном особняке в центре Краснодара почти не жил, ошивался у брата в Ростове, о собственном моральном облике не заботился, трахал все, что движется, и его редко можно было застать трезвым.

А накануне ушлая женушка (которая, надо сказать, ничем не уступала Игорю в вопросах морали) отправилась с подружкой к морю, обдолбалась неизвестными таблетками в закрытом ночном клубе, села за руль автомобиля и не справилась с управлением. Совершенно не желая того, отдала Богу душу, и теперь будущее двадцати миллионов повисло в воздухе.

– Кончай ныть! – зло рыкнул Константин и поднялся из-за стола. – Надо ехать в Краснодар.

– А если они заставили ее написать завещание? Что тогда?

– Тогда нам надо будет поближе познакомиться с наследниками, – зловеще взглянул на брата Константин. – Звони Каннибалу, скажи, для него и его ребят есть работа. Пусть захватят с собой костюмы, желательно черные. Возьмем на похороны «друзей», а там будет видно.

Игорь хлебнул еще виски и умоляюще взглянул на брата.

– Не надо... Только не Каннибал! Он же псих недоделанный!

– Вот именно: псих, который идеально выполняет условия сделки за хорошие деньги. Твоим любимым родственникам по линии усопшей супруги не помешает взбодриться. Устроим им фееричную вечеринку, и они быстро подпишут все необходимые документы. Даже завещание от нотариуса состреляют задним числом.

– Каннибал хранит в морозильнике трофеи! Знаешь, какие?!

– Чем он занимается в свободное от работы время, нас не касается. Это ты виноват в том, что мои двадцать миллионов попали в лапы мошенникам – тебе и расхлебывать! Радуйся, что я тебе помогаю и твой замороженный глаз не хранится в морозилке у Каннибала!

Игорь икнул и провел дрожащей рукой по лицу. Иногда он ненавидел старшего брата. Тот являлся копией их родного отца, как внешне, так и внутренне. А в жизни Игоря не было человека более жестокого и бессердечного, чем отец.

Каннибала, к которому отсылал Игоря Константин, никто не любил. Свое прозвище он получил не просто так: в качестве трофеев Каннибал, а если проще – хлипкий, на первый взгляд, Лева Зайцев, у которого снесло «крышу» после нескольких лет службы в горячих точках по контракту, коллекционировал в морозильной камере отрубленные пальцы и уши врагов. Ходили слухи, что наемник питал страсть к новым моделям холодильников и обязательно раз в сезон совершал покупку. Он выбирал самый крутой и огромный холодильник, а потом бережно перекладывал свои трофеи в новый «домик». Увы, никто не выполнял грязную работу лучше Каннибала, просто потому, что его внешность была до боли обманчива, а мастерство, которым обладал Лева Зайцев, весьма ценилось среди местных олигархов.

– Звони! – схватив брата за шиворот, рыкнул Константин. Игорь, вздрогнув, судорожно вцепился в свой навороченный айфон.

Спустя пару часов неприметный черный джип отъехал от стоянки и двинулся следом за темно-серым внедорожником братьев Покровских.

...Супругу Игоря хоронили в закрытом гробу: сотрудники морга не смогли восстановить лицо усопшей после аварии. Многочисленные родственники забили часовню до отказа. Надрывно плакали, стонали, и Константина коробило от их рассказов о добродетелях Наташи. Ну, не было никакой добродетели в жене его брата!

Игорь тихо подошел к гробу и показательно положил на крышку букет из красных роз, перевязанных черной траурной лентой.

«Спи спокойно, любимая», – гласила надпись на ленте.

Константин закатил глаза. Ему не была свойственна сентиментальность, присущая Игорю. Он вычислил цепким взглядом троих мужчин в дорогих костюмах, стоявших поодаль. Засунув руки в карманы пальто, двинулся в их сторону.

– Как отель делить будем? – без приветствий встал перед ними Константин, и его высокая фигура закрыла мужчинам священника, приступившего к своей мессе.

– А что делить-то, Константин Владимирович? – показательно поигрывая золотой печаткой на толстом пальце, ядовито усмехнулся самый старший из троих. – Отель был оформлен на нашу Наташу. Какая-то часть, может, и перепадет вашему брату, но я бы на это не рассчитывал.

– Отель был куплен на мои деньги.

– Ну, кто ж вас просил давать деньги брату? С него долг и спрашивайте, мы-то при чем?

Константин скользнул ледяным взглядом по чувствующим себя хозяевами жизни краснорядцам, резко развернулся и направился в другой угол часовни, туда, где стоял притихший Игорь. Подозвал к себе неприметного мужчину в черном костюме и добротном пальто из вер-

блюжьей шерсти, что-то шепнул ему на ухо, указывая на троих полных мужчин, стоявших поодаль, и тот понятиливо кивнул. Блеснул почти бесцветными голубыми глазами из-под благородных очков и тихо вышел.

– Как же это, Костя? – тихо встал рядом с братом бледный Игорь. – Она ведь совсем молодая была. Ей и тридцати не было. А теперь в гробу лежит...

– Кончай философствовать! – буркнул тот. – Пойдем отсюда. Прохлопал ты свой отель. Не отдадут его просто так. Придется родственников твоих проучить.

– Может, полюбовно разберемся с отелем?

– Обязательно. Через пару дней, думаю, они сами к нам на поклон прибегут. Поехали, перекусим где-нибудь, что-то жрать хочется.

– А как же... Наташу еще не закопали, а мы уедем? – растерялся Игорь. – Я ее хоть и не любил, но все равно нехорошо как-то.

– Нехорошо чужие деньги воровать, – испепелил яростным взглядом брата Константин и зашагал к выходу. Тот поморщился, бросил взгляд на закрытый гроб, на читающего молитвы священника, поднял воротник дубленки и двинулся следом за старшим братом.

Едва они успели сесть в машину, как часовню накрыли автоматные очереди. Полетели стекла, обломки входной двери.

В часовне началась паника. Люди бросались к выходу. Кто-то столкнул гроб с подставки. Он упал на бок. Крышка открылась, и усопшая вывалилась на пол, лицом вниз. Упали подсвечники, и огонь перекинулся на легковоспламеняющуюся обивку гроба. Повалил дым. Похороны превратились в истерический спектакль. Родственники выли, выплясывали вокруг пылающего костра и усопшей Наташи и никак не могли сбить пламя.

На лице Константина не дрогнул ни один мускул. В его серых глазах мерцало удовлетворение. Крепкие руки уверенно сжимали руль темно-серого внедорожника. Машина, сбивая похлую листву с обочин, неслась в центр города.

Глава 9

Я перебирала в интернете вакансии. Ничего особенного не попадалось, да и я так ослабилась дома у мамы с папой после нескольких лет непрерывного бега в колесе, что просто не хотела ничего искать. Мне было хорошо от того, что в холодильнике есть еда, в квартире тепло, и не надо думать о том, у кого еще перезанять денег на продукты.

Мою ростовскую квартиру благодаря связям дяди Жоры опечатали, но пока не было никаких известий о налетчиках.

Мама позвонила мне в обед.

– Аня! Ты с Евой собиралась сегодня в торговый центр?

– Собиралась, да. Ей сапоги зимние нужны, ты же знаешь.

– Не езд!

– Почему?

– Новости включи! Рядом с ТЦ гостиница горит.

– Ну, ладно. До завтра, думаю, морозы не ударят. Да и ходить нам с Евой особо некуда пока.

– Слушай, Вере Александровне, моей клиентке, в салон красоты требуется администратор. Я понимаю, что ты не такую работу искала. Но график работы два на два, и еще он недалеко от нашего дома находится. Там Оля еще работает мастером. Помнишь Олю?

– Помню.

Краснодар – большая деревня. Все друг другу если не сваты, то обязательно бывшие друзья, одноклассники или клиенты.

Мы с Олей учились в одном классе. Вместе исследовали взрослую жизнь, нарушали правила, но потом наши пути разошлись.

– Отлично, что помнишь. Я сегодня до обеда работаю, потом приеду, посижу с Евой. А ты сходи, поболтай с хозяйкой. Да и маникюр обновить заодно. Оля звала.

Я пожала плечами.

Честно говоря, мне не очень хотелось работать администратором в салоне, но в душе вспыхнула предательская мысль о том, что я давно не была у мастеров. Захотелось всего и сразу: и волосы покрасить, и ногти сделать. «Надо идти, а от работы потом откажусь», – вспыхнула предательская мысль. И Еву есть на кого оставить. Отчего бы не рискнуть, если мама сама вызвалась с ней посидеть?

– Хорошо. Кредитку одолжишь? Я хочу подравнять волосы.

– Ладно, раз уж сегодня пятница, сходи. – Я представила, как она закатывает глаза к потолку, и улыбнулась. Нехорошо взрослой дочери просить у мамы денег на салон, но мне так захотелось навести красоту, что я не удержалась от соблазна. Голос совести загнала глубоко внутрь и приказала ему молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.